

УДК 82

**О СОДЕРЖАНИИ И ЖАНРОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЭМЫ
С.А. ШИРИНСКОГО-ШИХМАТОВА
«ИИСУС В ВЕТХОМ И В НОВОМ ЗАВЕТАХ, ИЛИ НОЧИ У КРЕСТА»**

© 2016 г.

В.Л. Коровин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва

korovinv@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.10.2015

Рассматривается самое большое и наименее известное сочинение князя Сергея Александровича Ширинского-Шихматова (1783–1837), напечатанное в 1824 г. В отличие от его ранних религиозно-дидактических поэм «Ночь на гробах» (1812) и «Ночь на размышления» (1814), «Ночи у Креста» написаны без рифм (шестистопным ямбом) и не являются подражанием Э. Юнгу. Это разделенное на пять «ночей» богословское сочинение, где в систематическом виде представлены пророчества Ветхого Завета о Мессии и объясняется вероучительный смысл событий земной жизни Христа. Избегая ассоциаций с эпопеями Дж. Мильтона и Ф.Г. Клопштока, Шихматов свое итоговое произведение не назвал «поэмой», а дал ему подчеркнуто нейтральный жанровый подзаголовок – «стихотворение».

Ключевые слова: Ширинский-Шихматов, русская поэзия 1820-х гг., религиозная эпопея, дидактическая поэма, библейские парафразы, догматическое богословие, библейская экзегетика.

«Иисус в Ветхом и в Новом заветах, или Ночи у Креста» [1] – наименее известное сочинение князя Сергея Александровича Ширинского-Шихматова (1783–1837)¹. Между тем это самое большое и итоговое произведение поэта, его последнее выступление в печати в качестве светского автора². Поэма была издана в 1824 г., а в 1827 г. Шихматов, прослуживший более двадцати лет в Морском кадетском корпусе, вышел в отставку и поселился в Новгородском Юрьевом монастыре, где в 1830 г. принял монашеский постриг с именем Аникита. Под этим именем он прославился как подвижник, восстановивший русское присутствие на Афоне, и скончался во время эпидемии чумы в Афинах³.

Как известно, Шихматов был одним из ведущих поэтов «Беседы любителей русского слова» (1811–1816) и любимцем А.С. Шишкова, который в особенности пропагандировал его поэзию как образцовую по языку и тематике (героико-патриотической и духовной) (см.: [7, с. 115–140]). Все стихотворения Шихматова отличаются высоким славянизированным стилем и изобилуют цитатами из богослужебных текстов и славянской Библии. По замечанию архиеп. Филарета (Гумилевского), «поэтические произведения его все дышат благочестием» [8, с. 445], и Пушкин не случайно наградил его титулом «Шихматов Богомольный» (в поэме «Домик в Коломне», 1830).

Таким образом, появление из-под пера Шихматова объемной поэмы исключительно религиозного содержания само по себе не выглядит неожиданным. Напротив, вторая часть ее

заглавия – «Иисус в Ветхом и Новом заветах, или Ночи у Креста» – напоминает о его более ранних стихотворениях – «Ночь на гробах. Подражание Юнгу» (СПб., 1812) и «Ночь на размышления» (СПб., 1814). Это небольшие религиозно-дидактические поэмы, написанные в подражание поэме Э. Юнга «Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии» (The Complaint, or Night Thoughts on Life, Death and Immortality, 1742–1745)⁴. В «Ночи на гробах» Шихматов убеждает читателей в бессмертии души и грядущем всеобщем воскресении, в «Ночи на размышления» – учит беречь время земной жизни и употреблять его для душевной пользы. «Ночи у Креста», в которых на библейском материале излагается христианское вероучение, с одной стороны, как будто замыкают цикл дидактических поэм Шихматова, а с другой – существенно отличаются от них по форме и содержанию.

«Ночи у Креста» втрое больше двух ранних «Ночей», вместе взятых⁵, и написаны без рифм, в отличие от всех прежних стихотворений Шихматова, являвшегося виртуозом в этой области (Пушкин в лицейских стихотворениях называл его Рифматовым). Правда, как и прежние «Ночи», она написана шестистопным ямбом, и при этом строго выдерживается последовательность женских и мужских окончаний стихов (ЖЖмм):

Восстань, моя душа! от мысленной дремоты,
Восстань – и в тишине природы усыпленной,
Избывшая дневных стужающих сует,
Ты Бога твоего в час ночи помяни [1, с. 1].

Отказ от рифмы – «отроческой игрушки», как выразился однажды В.К. Третьяковский⁶, можно объяснить особой важностью содержания поэмы, от которого читательское внимание не должно отвлекаться лишними поэтическими красотами.

Ранние «Ночи» Шихматова являются благочестивыми размышлениями на темы духовной жизни. «Ночи у Креста» посвящены исключительно разбору и толкованию Священного Писания. Это богословское сочинение, что-то вроде пособия по библейской экзегетике и догматическому богословию, только написанное в стихах. Шихматов излагает учение о Святой Троице, Боговоплощении и Искуплении, раскрывает прообразовательное значение ветхозаветной истории и в систематическом виде представляет пророчества о Мессии. Поэма разделена на пять «ночей», которые начинаются и заканчиваются обращениями автора к своей душе и молитвословиями.

Ночь первая, предваренная эпитафией «Провещаю гонания исперва» (Пс 77: 2), является толкованием на Книгу Бытия. Здесь объясняется учение о Святой Троице, творении мира, природе человека и первородном грехе и излагается история св. Праотцев, рассказ о каждом из которых заключается типологическим толкованием, относящимся к вочеловечившемуся Сыну Божию: «Так Авель истинный...» [1, с. 19], «Так Ное выпранный...» [1, с. 22], «Так преданный отцем небесный Исаак / На той же высоте Мории многохолмной...» [1, с. 27], «Так послан к братии, к заблудшим человекам, / Иосиф мысленный, Спаситель истый мира...» [1, с. 37] и др. **Ночь вторая** посвящена четырем следующим книгам Пятикнижия, ее тема обозначена эпитафией: «Кончина закона Христос» (Рим 10: 4). Ее содержание – Моисей и Закон, Скиния и ее устройство, Аарон и священство. Заканчивается она общим обзором жизни и деяний Моисея как прообразующих события Нового Завета. **Ночи третьей** можно было бы дать заглавие «Пророки». Ее эпитафия: «О Иисусе вси пророци свидетельствуют» (Деян 10: 43). Здесь излагаются и толкуются свидетельства пророческих книг о Мессии (поэт как бы слышит согласное пение пророков на Сионе). Они сгруппированы по трем разделам: сначала идут пророчества о Боговоплощении, затем о Страстях Христовых и Крестной Жертве и, наконец, о Воскресении. В начале каждого раздела помещены переложения соответствующих мест из Псалтири. Заканчивается «Ночь третья» общим обзором свидетельств псалмопевца Давида о Сыне Божием.

Ночи четвертая и пятая – самые большие в поэме. Четвертая посвящена земной жизни

Христа до Входа в Иерусалим, а пятая – Его Страстям и Воскресению (эпитафия: «Велия благочестия тайна: Бог явился во плоти» [1 Тим 3: 16] и «Мне да не будет хвалиться, токмо о кресте Господа нашего Иисуса Христа» [Гал 6: 14]). В четвертой песне пересказана далеко не вся евангельская история, а лишь некоторые ее эпизоды: Рождество, Крещение, Искушение в пустыне, Избрание двенадцати апостолов, Чудо в Кане Галилейской, Укрощение бури на море, Исцеление бесноватого (изгнание бесов в стадо свиней), Чудо о хлебах, Преображение, Исцеление слепорожденного, Воскрешение Лазаря, Вход Господень в Иерусалим. Вслед за пересказом каждого эпизода раскрывается его вероучительный смысл, часто с помощью аллегорического толкования. Такое толкование получает, например, претворение воды в вино на браке в Кане Галилейской, понятом как образ брачного союза Христа и Церкви:

Он, Церкви Своя прекраснейший Жених...

<...>

И брачный веры пир открыв свои
избранным...

<...>

Сам с нею навсегда сопрягшись на земли,
Земное, скотское словесных естество,
В скудельных смертности держимое сосудах,
В Себе онебесил и обожил Собою;
И тако сотворил из мертвенной воды
Бессмертной жизнью кипящее вино,
Веселие людей, веселие и Бога» [1, с. 153–154].

Примечательно, что, кроме Иисуса Христа, в четвертой и пятой песнях поэмы *по имени* не назван больше ни один евангельский персонаж (даже Иоанн Креститель, апостолы и Лазарь, не говоря уже о Пилате, Каиафе и др.). В первых трех песнях были другие имена, поскольку там нужно было указать, какие именно ветхозаветные праведники стали прообразами Христа и какие пророки о Нем свидетельствовали. В последних песнях, где речь идет уже о Нем самом, другие имена не нужны. Мысль поэта целиком обращена к Иисусу, Сыну Божию, как это и обозначено в заглавии поэмы: «Иисус в Ветхом и в Новом заветах, или Ночи у Креста».

С религиозными эпопеями вроде «Потерянного рая» Дж. Мильтона⁷ и «Мессии» Ф.-Г. Клопштока поэма Шихматова имеет мало общего: он не вводит отсутствующих в Писании персонажей, не выдумывает и не дополняет от себя разговоры и речи, не интересуется живописными подробностями обстановки, психологией лиц и т. д. В поэме вообще отсутствует вымысел, тогда как характерной особенностью поэмы в духе

Мильтона и Клопштока считалось «смешение вымысла с истинною религиею» [11, с. 288]. Поэтому Шихматов и отказался от самого термина «поэма» (видимо рассматривая его как указывающий на наличие вымысла), а дал своему объемному сочинению подчеркнуто нейтральный жанровый подзаголовок: «Стихотворение»⁸.

В отличие от Мильтона и его последователей, чередовавших рассуждения с волнующими драматическими сценами, Шихматов не дает читателю отдохнуть от высоких размышлений. Его поэма написана несколько однообразным торжественным стилем и лишена сюжетной динамики. Он, в частности, последовательно избегает диалогов даже там, где они есть в оригинале. Вот как, например, Шихматов передает евангельский рассказ о вопрошании Каиафы к Иисусу, Его ответе и последующем обвинении в богохульстве с раздирающим первосвященником своих одежд (Мф 26: 63–65):

И ядом зависти имея грудь кипящу,
Начальник и душа совета нечестивых,
По сану – освящен, верховный Божий жрец,
По сердцу – осужден, жестокий Божий враг,
Язык свой изострил ужалить Иисуса.
Он, Сына Божия живым заклывший Богом,
Из уст безмолвного свидетельство исторг
О истинном Его во плоти Божестве
И, слово истины в хулу вменив, бесстыдный,
Расторгнул на себе священные одежды
(И тем, поправ закон, явил, не зная сам,
Что древний ветхого священства прерван чин,
Что славой Аарон померк пред Иисусом,
Священником-царем, Мелхисидеком
вечным) [1, с. 221].

В «Ночах у Креста» Шихматов занимается не историей, а умозрением, поэтому сосредоточен не на «букве», а на «духе» Писания и не столько повествует, сколько толкует, чаще всего используя аллегорический метод. Толкования его при этом не являются произвольными, а основаны на святоотеческих толкованиях и являются общепринятыми в православной традиции.

В конце XIX в. была опубликована обширная богословская переписка Шихматова с его братьями Алексеем и Павлом, относящаяся ко времени его пребывания в Юрьевом монастыре под началом архим. Фотия (Спасского) в 1828–1832 гг. [12]. Братья, занимавшиеся духовным просвещением своих крестьян, скорбели о прекращении перевода Священного Писания на русский язык и упрекали Шихматова за его высказывания против переведенных при Александре I книг (впрочем, весьма осторожные и

имеющиеся только в его личной переписке с братьями). Они напомнили ему о его поэме: «Сие переложение Нового Завета на Российский язык, скажем мимоходом, за которое многие и многие благодарят и царя, указавшего сие сделать, и потрудившихся в сем деле <...> напоминает тебе о *твоем переложении многих мест всей св. Библии*, в котором ты дозволил себе прибавлять многие слова, в святом тексте не находящиеся, и без которого не составилось бы переложение сие на язык поэзии. В сем предприятии, позволь тебе сказать, ты не привел себе на ум сии важные истины, что *слова свящ. Писания отличны от словес людских*...» [12, с. 671].

Это не лишнее язвительности напоминание было только тактическим ходом в споре братьев с Шихматовым, выразившим, как им казалось, чужие мнения (в первую очередь, Фотия, к которому они относились подозрительно и неприязненно). На самом деле Шихматов, хотя и принадлежал к «партии» Шишкова и Фотия, не был столь уж последовательным противником перевода Библии на русский язык, а, кроме того, его поэма, завершенная в 1824 г., была не столько библейским переложением, сколько богословским сочинением в стихах. Это, наверное, и предопределило ее читательскую судьбу. Есть сведения, что император Александр I «с восторгом прочитал ее и велел сккупить весь тираж для рассылки по духовным учебным заведениям» [4, с. 401–402]. По словам А.С. Стурдзы, она «...озарила множество душ, ищущих несуетного утешения в дольном мире» [13, с. 790]. Светские литераторы из числа читателей Шихматова поначалу ею заинтересовались⁹, но в дальнейшем о ней не вспоминали, вероятно увидев в поэме специальное ученое сочинение, «пиитические красоты» которого, по выражению одного критика (А.А. Бестужева), оказались скрыты «в облаке отвлеченных понятий» [15, с. 123]¹⁰.

Примечания

1. В жизнеописании поэта, составленном его братом П.А. Ширинским-Шихматовым [2], эта поэма почему-то даже не упомянута. Из всех исследователей какое-то внимание ей уделил только Т.Л. Воронин, автор диссертации о творчестве Шихматова [3; см. также 4].

2. Следующие публикации Шихматова (переложения псалмов) относятся уже ко времени, когда он официально состоял в братии Новгородского Юрьева монастыря и готовился к пострижению (см.: [5, с. 222–234]).

3. Недавно был переиздан дневник, который Шихматов вел, путешествуя по святым местам Востока в 1834–1836 гг. [см. 6] (здесь же перепечатана биография,

написанная П.А. Ширинским-Шихматовым, и некоторые другие материалы).

4. О Юнге и «юнгианстве» в русской поэзии см.: [9, с. 143–160, 221–226].

5. В «Ночах у Креста» более 8.5 тыс стихов. В «Ночи на гробах» – 1.5 тыс, в «Ночи на размышления» – 1.2 тыс.

6. Так, В.К. Тредиаковский писал в предисловии к «Тилемахиде» (1766): «Согласие рифмическое отроческая есть игрушка, недостойная мужских слухов. Вымысл сей оледенелый есть готический, а не эллинское и латинское, благорастворенным жаром блистающее и согревающее окончательство» [10, с. 213].

7. Шихматов был знатоком английской поэзии, первое его выступление в печати – перевод «Опыта о критике» А. Попа (СПб., 1806). Поэмы Мильтона он, конечно, внимательно изучал, и в «Ночах у Креста» есть некоторые реминисценции из них, но тем показательней, что в целом произведение Шихматова написано вполне своеобразно.

8. К жанровым дефинициям Шихматов не был безразличен. Поэмы, принесшие ему литературную славу, он снабдил оригинальными жанровыми подзаголовками: «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия. Лирическая поэма в трех песнях» (СПб., 1807) и «Петр Великий. Лирическое песнопение в восьми песнях» (СПб., 1810).

9. См., например, упоминание о ней в письме П.А. Катенина к Н.И. Бахтину от 25 февр. 1825 г.: «Я извещал Вас, кажется, об «Иисусе» Шихматова» [14, с. 255].

10. Показательно, что Бестужев здесь назвал поэму не «Ночи у Креста», а «Ночи на гробах», по памяти перепутав ее название с поэмой Шихматова «Ночь на гробах» (1812), имевшей большой литературный успех.

Список литературы

1. Ширинский-Шихматов С.А. Иисус в Ветхом и в Новом заветах, или Ночи у Креста. Стихотворение князя Сергея Шихматова, члена Российской Академии. СПб.: Тип. Рос. Акад., 1824. [4], 269 с.

2. Ширинский-Шихматов П.А. О жизни и трудах иеромонаха Аникиты, в мире князя Сергея Алексан-

дровича Шихматова. Читано в Российской академии 29 октября 1838 года. Изд. 2-е. СПб., 1853. 69 с.

3. Воронин Т.Л. Творчество С.А. Ширинского-Шихматова: Дис. ... канд. филол. наук. МПГУ, 2002. 187 с.

4. Воронин Т.Л. Князь С.А. Ширинский-Шихматов и его поэма «Иисус в Ветхом и Новом Заветах, или Ночи у Креста»: (к проблеме русского культурного двоemiрия) // Ежегодник Богословской конференции Православного Свято-Тихоновского Богословского института. М., 2003. С. 399–402.

5. Повременное издание Императорской Российской академии. СПб., 1829. Ч. 1. 274 с.

6. Путешествие иеромонаха Аникиты по святым местам Востока в 1834–1836 годах. М.: Индрик, 2009. 208 с.

7. Альтшуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. Изд. 2-е, доп. М.: НЛЮ, 2007. 448 с.

8. Филарет (Гумилевский), архиеп. Обзор русской духовной литературы. Изд. 3-е, с поправками и доп. автора. СПб., 1884. 511 с.

9. Левин Ю.Д. Восприятие английской литературы в России: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1990. 288 с.

10. Критика XVIII века / Авт.-сост. А.М. Ранчин, В.Л. Коровин. М.: Олимп, АСТ, 2002. 439 с.

11. Давыдов И.И. Чтения о словесности. Курс третий. Изд. 2-е, испр. М., 1839. 352 с.

12. Жмакин В.И., свящ. К истории русской богословской мысли тридцатых годов текущего столетия: Из переписки братьев князей Ширинских-Шихматовых // Христианское чтение. 1889. Ч. 1. С. 638–673; Ч. 2. С. 97–124, 603–630; 1890. Ч. 1. С. 76–113, 314–333, 596–625; Ч. 2. С. 3–64.

13. Стурдза А.С. Краткое известие о жизни и смерти иеромонаха Аникиты // Одесский вестник. 1837. № 65. С. 788–795.

14. Катенин П.А. Размышления и разборы / Сост., подг. текста, вступ. ст. и примеч. Л.Г. Фризмана. М.: Искусство, 1981. 374 с.

15. Бестужев А.А. Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 годов // Декабристы. Эстетика и критика / Сост. и примеч. Л.Г. Фризмана. М., 1991. С. 116–126.

ON THE CONTENT AND GENRE PECULIARITIES OF S.A. SHIRINSKY-SHIKHMATOV'S POEM «JESUS IN THE NEW AND THE OLD TESTAMENTS, OR THE NIGHTS BY THE CROSS»

V.L. Korovin

The article discusses the largest and least known work of prince Sergy Alexandrovich Shirinsky-Shikhmatov (1783–1837) published in 1824. As distinct from his earlier religious didactical poems «The Night On Coffins» (1812) and «The Night For Thoughts» (1814), the poem «The Nights by the Cross» is written without rhymes (iambic hexameter) and is not an imitation of E. Young. This is a theological work divided into five “nights” having systematical representation of the Old Testament prophecies about the Messiah and explaining the doctrinal meaning of the earthly life of Jesus. To avoid associations with J. Milton's and F.G. Klopstock's epics, Shikhmatov did not call his final work a «poem», but gave it an expressly neutral genre subtitle of a «verse».

Keywords: Shirinsky-Shikhmatov, Russian poetry of 1820s, religious epic, didactical poem, Biblical paraphrases, dogmatic theology, Biblical exegesis.

References

1. Shirinskij-Shihmatov S.A. Iisus v Vethom i v Novom zavetah, ili Nochi u Kresta. Stihotvorenje knyazya Sergiya Shihmatova, chlena Rossijskoj Akademii. SPb.: Tip. Ros. Akad., 1824. [4], 269 s.
2. Shirinskij-Shihmatov P.A. O zhizni i trudah ieromonaha Anikity, v mire knyazya Sergiya Aleksandroviča Shihmatova. Chitano v Rossijskoj akademii 29 oktyabrya 1838 goda. Izd. 2-e. SPb., 1853. 69 s.
3. Voronin T.L. Tvorchestvo S.A. Shirinskogo-Shihmatova: Dis. ... kand. filol. nauk. MPGU, 2002. 187 s.
4. Voronin T.L. Knyaz' S.A. Shirinskij-Shihmatov i ego poehma «Iisus v Vethom i Novom Zavetah, ili Nochi u Kresta»: (k probleme russkogo kul'turnogo dvoemiriya) // Ezhegodnik Bogoslovskoj konferencii Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo Bogoslovskogo instituta. M., 2003. S. 399–402.
5. Povremennoe izdanie Imperatorskoj Rossijskoj akademii. SPb., 1829. Ch. 1. 274 s.
6. Puteshestvie ieromonaha Anikity po svyatyam mestam Vostoka v 1834–1836 godah. M.: Indrik, 2009. 208 s.
7. Al'tshuller M.G. Beseda lyubitelej russkogo slova: U istokov russkogo slavjanofil'stva. Izd. 2-e, dop. M.: NLO, 2007. 448 s.
8. Filaret (Gumilevskij), arhiep. Obzor russkoj duhovnoj literatury. Izd. 3-e, s popravkami i dop. avtora. SPb., 1884. 511 s.
9. Levin Yu.D. Vospriyatie anglijskoj literatury v Rossii: Issledovaniya i materialy. L.: Nauka, 1990. 288 s.
10. Kritika XVIII veka / Avt.-sost. A.M. Ranchin, V.L. Korovin. M.: Olimp, AST, 2002. 439 s.
11. Davydov I.I. Chteniya o slovesnosti. Kurs tretij. Izd. 2-e, ispr. M., 1839. 352 s.
12. Zhmakin V.I., svyashch. K istorii russkoj bogoslovskoj mysli tridcatyh godov tekushchego stoletiya: Iz perezpiski brat'ev knyazej Shirinskih-Shihmatovyh // Hristianskoe chtenie. 1889. Ch. 1. S. 638–673; Ch. 2. S. 97–124, 603–630; 1890. Ch. 1. S. 76–113, 314–333, 596–625; Ch. 2. S. 3–64.
13. Sturza A.S. Kratkoe izvestie o zhizni i smerti ieromonaha Anikity // Odesskij vestnik. 1837. № 65. S. 788–795.
14. Katenin P.A. Razmyshleniya i razbory / Sost., podg. teksta, vstup. st. i primech. L.G. Frizmana. M.: Iskusstvo, 1981. 374 s.
15. Bestuzhev A.A. Vzglyad na russkuyu slovesnost' v techenie 1824 i nachale 1825 godov // Dekabristy. Ehstetika i kritika / Sost. i primech. L.G. Frizmana. M., 1991. S. 116–126.